

Эмоции Чжоу Яня застряли в замкнутом круге: от ярости до «да ну его к черту». Всё закончилось в тот момент, когда Сюй Сяочжэнь притащил домой старенький холодильник.

Вернулся он уже за полночь. Чжоу Янь даже не понимал, как у Сюй Сяочжэня хватило наглости принести в дом такую рухлядь. Но тот сиял, как будто только что выиграл лотерею, и с энтузиазмом начал объяснять:

— Смотри, я только что купил этот холодильник — целых двести юаней! Дорого, но зато можно будет охладить тебе воду. Или фрукты положить!

Он говорил с таким восторгом, будто это была новенькая модель с последней выставки.

— Ты ведь всё время жалуешься, что у тебя жар внутри, тебе душно... Вот, специально для тебя. Ещё можно лёд замораживать — охладиться немного.

Наверное, Чжоу Янь так часто бесился именно из-за этого жара. А денег на врача у них всё равно не было, так что пока пусть помогает хоть холодная вода.

Чжоу скривился. Смотреть на эту рухлядь было мучительно. Но, чёрт побери, если бы Сюй не был таким бедным и таким... неподходящим — он бы, может быть, и задумался о свадьбе.

Хотя, если честно, для таких мыслей он ещё слишком молод. Уши у Чжоу Яня на мгновение вспыхнули румянцем — и тут же побледнели.

— Ну, давай же! Открой, посмотри, что я тебе принёс! — Сюй сиял.

Чжоу Янь, честно говоря, не испытывал ни малейшего желания прикоснуться к этой подозрительной технике. Неизвестно, кто её до них использовал. Вдруг там до сих пор остатки чьей-то еды, плесень, а то и слюна чужая засохшая... От одной мысли его передёрнуло.

Но Сюй Сяочжэнь не унимался. В итоге Чжоу Янь с явным отвращением вытянул один палец, крючком подцепил ручку дверцы, резко дёрнул — и тут же отпустил, будто прикоснулся не к холодильнику, а к чему-то мерзкому. Ещё бы чуть-чуть — и, казалось, на него что-то живое перепрыгнуло бы оттуда.

Из холодильника действительно что-то выпало. Что-то лёгкое, почти невесомое. Как лист бумаги, слетевший с ветки.

За первым упал второй, третий — и вот уже целый снегопад алых лепестков рассыпался по полу.

И только тогда взгляд Чжоу Яня задержался на содержимом.

Вся морозильная камера была до отказа набита цветами. Алые, насыщенные, как кровь, почти сочащиеся из глубины своей яркости. Некоторые уже начали вянуть, особенно те, что были втиснуты в углы. Но Сюй Сяочжэнь всё равно запихнул их туда, стараясь во что бы то ни стало собрать полный холодильник — целый ящик красных цветов.

Он делал это неуклюже, но искренне. Очень старался. Ради одного — чтобы Чжоу Янь был доволен.

— Чжоу Янь, тебе нравится?

Иногда слишком острый слух — не подарок. Он слышал не только слова Сюй Сяочжэня, но и то, как у того грохотало в груди сердце. Живое, искреннее, до боли открытое.

Эти огненно-красные цветы даже смотреть мешали — резали глаза. Не розы. Не какие-нибудь благородные сорта. Просто дикие полевые цветы, что растут, где придётся — редко и неохотно.

Но Чжоу знал: в Восемнадцатом районе даже такие — редкость. Земля здесь бедная. Она не даёт цветения. И тем более никто не тратит ресурсы, чтобы растить что-то бесполезное.

Сколько же усилий понадобилось, чтобы собрать столько? Он представил: Сюй, маленький, сгорбленный, волочит этот старый холодильник, тащит его на себе, а по пути — ищет цветы. Складывает по одному, по два. Не отпуская тех, что уже нашёл.

Он ведь не мог оставить холодильник на улице — в таком районе всё крадут, стоит лишь отвернуться.

С самого детства у Чжоу Яня было всё. Ему никогда не приходилось ни о чём просить. Всё появлялось само. Ему не нужно было ни бороться, ни ждать.

Он только тянул руку — и всё стекалось к нему. Цветы, подарки, клятвы. Его мать, бабушки, тётки боготворили его. Отец и деды видели в нём продолжение рода. Стоило только пожелать — и кто-то выполнял. Самому ему ничего делать не приходилось.

Просить кого-то из них пойти и собрать для него букет? Да они даже подумать о таком не могли. Их руки были для печатей и перстней, не для стеблей с пыльной обочины.

Эти руки умеют порхать по клавишам рояля, могут нажать на спусковой крючок — и в ту же секунду лишить кого-то жизни. Но сорвать для ребёнка один-единственный цветок?

Смешно, правда, А'Янь?

Они бы только хмыкнули в ответ, а потом посмотрели бы на него так — с насмешкой. «Проснись», — сказали бы. Или просто глазами. Без слов.

Это как спросить у миллиардера, готов ли он пройти пешком пару сотен метров, чтобы с асфальта поднять медяк.

Чжоу Янь знал, каково это — жаждать нового. Но теперь его притягивала не новизна — а искренность. И потому он не отводил взгляда от этого холодильника, доверху забитого дешёвыми, полевыми цветами.

Сюй Сяочжэнь ждал. Долго не слыша ответа, снова неуверенно позвал:

— Чжоу Янь... правда, нравится?

Он тревожился. Словно сам знал, насколько глупо это может прозвучать. Он боялся — что ему ответят с презрением, с усмешкой. Что Чжоу Янь раздавит его сердце, как лепесток под каблуком, оставив на полу только багровое пятно.

Чжоу Янь чуть заметно скривил губы, будто собирался улыбнуться — но тут же передумал. Кивнул лениво:

— Нормально.

Сюй наконец выдохнул. Пальцы, сжатые за спиной, разжались. На лице — взрыв радости. Он бросился к Чжоу, обнял, уткнулся в него, чмокнул в щёку:

— Значит, понравилось! Значит, ты меня простил?

Чжоу подхватил его под бёдра, недовольно фыркнул и подставил другую щёку:

— Если не хочешь, чтобы я злился, — научись прятать свою шею. Ещё раз увижу, что ты позволяешь себя кусать — можешь со мной больше не разговаривать.

Сюй Сяочжэнь обвил его за шею, кивнул серьёзно и чмокнул в другую щёку:

— Клянусь, больше не повторится!

Теперь, когда обе щеки получили равные порции внимания, Чжоу будто успокоился. Наконец посмотрел на него по-настоящему.

Сюй всё ещё был взмокшим, волосы сбились в беспорядке, лоб блестел от пота. Но глаза —

светились. Улыбка — сияла. Он выглядел как солнце, пробившееся сквозь дождь.

Чжоу крепче обнял его. Поза оказалась удобной, как будто Сюй создан был, чтобы лежать у него на руках. Он не удержался и вцепился зубами в его лоб.

— Ай! — вскрикнул Сюй, на лбу остался отпечаток зубов.

Он потрогал место — кожа не пострадала. Значит, можно и не возражать. Улыбнулся и подставил вторую щеку:

— Можешь ещё здесь укусить.

— С ума сойти, какой ты дурак, — пробормотал Чжоу Янь, чувствуя, как от этого дурачества у него внутри всё зашекетало. Освободил одну руку, взял его за подбородок и поцеловал.

Сюй Сяочжэнь весил ни много ни мало килограммов пятьдесят, но Чжоу Янь держал его одной рукой, как будто тот был пушинкой. Это даже напугало Сюй Сяочжэня — он тут же крепче обвил его ногами и руками, прижался сильнее, будто сам хотел быть ближе. От этого Чжоу Янь только ожесточил свои поцелуи.

Рука Чжоу Яня медленно соскользнула с подбородка Сюя, коснулась затылка и двинулась ниже — под рубашку, по позвоночнику, вниз по талии.

У Сюя в области талии была чувствительная кожа, особенно в месте, где чуть щеотно. Стоило лишь прикоснуться — он начал извиваться, захихикал и попытался отстраниться. Поцелуи тут же прекратились. Но Чжоу снова наклонился к шее — к той самой, искусанной. Осторожно, почти нежно поцеловал следы. То ли с извинением, то ли со странным умилением.

Сердце Сюя потекло, как тёплый воск. Атмосфера становилась всё более знойной, дышалось трудно. Он сам, не дожидаясь, отдался — полностью, без остатка.

Поцелуи становились жаднее. Громче. Где-то между поцелуями Сюй не заметил, как рубашка оказалась задрана, как в кожу врывался сквозняк, а их тела оказались у холодильника, рядом с теми самыми цветами.

Он пытался вдохнуть, но воздуха не хватало. Щёки горели. Грудь вздымалась. Он откинул голову, ища прохлады — но Чжоу не дал уйти, снова накрыл его губами.

— Бух!

— Шурш-ш-ш!

Холодильник не выдержал — и опрокинулся. Оба рухнули вместе с ним.

Сюй оказался внизу, на мягком, но странно шершавом — он упал прямо на слой цветов. Обернулся — лепестки мялись под телом.

Не слишком романтично. Зато без свидетелей. Хоть на том спасибо.

Он пытался выскользнуть, оттолкнуть Чжоу:

— Подожди...

Щёки пылали, губы опухли, глаза блестели — он был в этом моменте по-настоящему прекрасен. Уязвимый. Настоящий.

Но Чжоу, как всегда, не знал меры. Уперевшись, прижал его к дверце холодильника, не думая о вмятинах или боли от неровностей.

Сюй вдруг побледнел. Резко.

— Подожди. Больно... Поясница... и живот... Я... не пойму, где именно...

Он прижал одну руку к пояснице, другую — к животу. Всё ныло. Ноют сразу два места — уже непонятно, где больно сильнее.

Обычно он терпел. Как кролик, молча страдал. Но если сказал вслух — значит, действительно немоготу.

Чжоу тут же изменился в лице. Он провёл рукой по его спине, нащупывая — вдруг позвоночник треснул? Вдруг серьёзно?

И впервые за всё время в его движениях появилась паника.

Сюй Сяочжэнь повис у него на руке, подбородок лёг на плечо Чжоу Яня. Тот уже подхватил его, собрался выносить.

— Я не поеду в больницу! Не вези меня! Я просто полежу — и всё пройдёт! — запротестовал Сюй, дрожащим от боли голосом.

Чжоу, разумеется, даже не подумал слушать. Когда он вообще слушал Сюя?

Он уже направился к двери, но Сюй неожиданно ожил. Вцепился в дверной косяк, как за спасение, цепляясь из последних сил. Откуда только в нём взялась энергия — непонятно. Казалось, только что не мог дышать, а теперь — как скала.

Чжоу всерьёз подумал, что неплохо было бы вскрыть ему череп и посмотреть, что у него вместо мозга. Вода?

Он начал разжимать пальцы — по одному. Только отцепит один — Сюй снова цепляется. Он выругался, сжал зубы, отступил и просто стоял, глядя, как тот беспомощно лежит на полу, свернувшись калачиком.

Ещё один взгляд. Ещё одно ругательство.

Он склонился, поднял Сюя обратно, положил на узкую, наспех собранную кровать и аккуратно накрыл одеялом.

Откинул с его лба влажную чёлку, и в этот момент на секунду мелькнуло нечто — тревога, что-то почти нежное. Он сжал губы:

— Ты только не вздумай сдохнуть. Если что — зови.

У Сюя уже на лбу блестели капли пота. Он схватил Чжоу за руку:

— Остайся. Обними меня. Просто поспим. К утру станет лучше.

Чжоу помедлил. Но всё же приподнял одеяло и скользнул под него. Обнял Сюя, крепко. Время от времени наклонялся посмотреть, всё ли в порядке:

— Я не врач, сам понимаешь. Ты уверен, что так можно?

Сюй обнял его в ответ. Его руки сомкнулись на худой талии Чжоу, а лицо уткнулось в горячую шею — близко, вдыхая его запах.

Он думал: какой же у него приятный запах. Или, может, это просто потому, что он в него влюблён. Так в книжках писали: если человек нравится, его запах будет самым любимым.

На вкус Чжоу Янь пах... как новая, только что выданная в банке наличность. Тепло. Безопасно. Надёжно.

Он кивнул:

— Всё хорошо, мне и правда лучше. Завтра точно встану... Я в детстве однажды украл еду для А'Ле, меня тогда поймали и сломали ногу. А я уже на следующий день ходил. Я не такой хрупкий, как кажусь.

Он говорил, еле слышно, тихо бормотал — голос слабый, но дыхание ровное. Спокойное.

Чжоу Янь поднёс ладонь к его лицу, пригляделся. Щёки порозовели, взгляд не такой мутный, как раньше. Уголки его сжатых губ чуть дрогнули — немного, но оттаяли.

После метки альфы, даже если железы подавлены препаратами, организм всё равно реагирует — информация считывается телом. Альфа может утешить омегу, унять боль. Он не знал, насколько это сработает, но попытался: немного, совсем чуть-чуть, отпустил информацию через блокировку, чтобы облегчить ему состояние.

Он слишком много видел смерти. Людей, посланных убить его ради удара по отцу, — они умирали прямо перед ним, истекали кровью, их потом уносили, оставляя тишину. Некоторых он убивал сам — хладнокровно, быстро, без сожаления. Из-за последнего убийства, сына одного из политических противников отца, им теперь и приходится скитаться.

Смерть — обычное дело. Он привык.

Но не хотел, чтобы Сюй Сяочжэнь умер. Хотя... если подумать, это был бы самый удобный вариант. Он умер — и всё: нет свидетеля его унижений, нет воспоминаний о слабости, никто не встанет у него на пути, не станет потом пытаться удержать или шантажировать.

Если Чжоу Янь унаследует место отца — а это почти неизбежно, — никто не должен знать, через что он прошёл.

Но всё равно.

Он не хотел, чтобы Сюй Сяочжэнь умер.